

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 81'255.2

DOI 10.17223/23062061/8/4

А.Г. Строилова

ОПЫТЫ ПЕРВЫХ ПЕРЕВОДОВ ПОЭЗИИ Э. ЮНГА В РОССИИ

В статье рассматриваются два первых русских перевода поэмы Эдварда Юнга «The complaint, or night thoughts» («Жалобы, или Ночные размышления») 1742–1746 гг., выполненные М.В. Сушковой и А.М. Кутузовым. Автор анализирует основные изменения, внесенные переводчиками в текст, особенности передачи дидактического содержания поэмы. Особое внимание уделяется комментарию, которым А.М. Кутузов сопровождает свой вариант перевода. Его задачей становится вовлечение русских читателей в постижение духовного опыта английского автора, внутри комментария формируется образ самого переводчика, транслирующего свое восприятие читателям.

Ключевые слова: Э. Юнг, М.В. Сушкова, А.М. Кутузов, перевод, комментарий.

Дидактическая поэма Эдварда Юнга «The complaint, or night thoughts» («Жалобы, или Ночные размышления») 1742–1746 гг. на рубеже XVIII–XIX вв. становится одним из самых популярных произведений не только на родине автора поэмы, но и на территории всех европейских государств, не исключая и Россию. Это было связано с тем, что в данный период происходит переоценка ценностей, утверждаемых на протяжении всего XVIII столетия, а именно, идея о главенстве разума, на смену ей приходит осознание важности роли чувств, интерес к переживаниям отдельного, частного человека, зарождается новое литературное направление – сентиментализм. Эстетике этого направления вполне соответствовало содержание и настроение поэмы Юнга. Поэтому в конце XVIII в. в России появляется несколько вариантов перевода рассматриваемого нами произведения, выполненного разными авторами.

В XVIII в. английский язык не был широко распространен в России из-за отсутствия крепких связей с Великобританией, и для перевода поэмы зачастую используются языки-посредники – французский и немецкий (во Франции и Германии Юнг был переведен раньше, чем в России). Пользуясь языками-посредниками,

русские переводчики были зависимы от специфики восприятия этого произведения той или иной культурой.

Первый перевод из Юнга в России появился в 1772 г. в журнале «Вечера», автором перевода была М.В. Сушкова. В исследовании «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах» П.Р. Заборов пишет: «По свидетельству Н.В. Сушкова, перевод из Мильтона был сделан с английского, перевод из Аддисона и Юнга – с французского языка. Однако это едва ли так, по крайней мере в отношении последнего. «Переложение» Сушковой – и в целом, и в деталях – довольно точно соответствует английскому тексту и в то же время не напоминает ни одного из наиболее распространенных французских переводов «Ночей» [1. С. 270]. Следует отметить также, что в своем указателе переводов Э. Юнга Ю.Д. Левин дает английский оригинал как источник перевода Сушковой [2. С. 221], т.е. первый перевод этой поэмы в России был сделан с оригинала и не был искажен переводами-посредниками, в которых авторы делали необходимые, по их мнению, изменения структуры, размера и даже смысла произведения.

Сушкова перевела лишь часть поэмы, а именно вторую «Ночь», которую назвала «О времени, смерти и дружбе». Перевод был выполнен в прозе, что не противоречило принципам перевода того времени. Считалось, что поэтические произведения можно переводить в прозе, чтобы наиболее точно передать мысль автора оригинала. Переводчик также считал себя вправе несколько менять произведение, исключая некоторые части оригинала и вводя свои собственные размышления, а иногда и отрывки из других авторов. Ю.Д. Левин ссылается в своей работе «Об исторической эволюции принципов перевода» на Г.А. Гуковского: «...большинство переводимых пьес рассматривались как приближение к абсолютной ценности... Важно ведь дать читателю хорошее произведение, по возможности близкое к идеальному, а вопросы о том, что хотел дать в своем произведении его первичный автор... не могут иметь существенного значения» [3].

Но Сушкова, несмотря на существующие довольно свободные правила обращения с переводимым текстом, достаточно точно следует за оригиналом, что говорит о ее высокой оценке переводимой поэмы, которая не требовала, на ее взгляд, усовершенствования.

Несмотря на относительную точность перевода, Сушкова, безусловно, допускает некоторые изменения на нескольких уровнях: построения фраз, выбора образов, расстановки акцентов. В первую очередь, сам выбор прозаической формы влияет на синтаксическую структуру текста, автор перевода более свободен в его построении, чем автор оригинала.

Например, в оригинале мы находим:

How late I shudder'd on the brink!	Как поздно я задрожал на краю! Как
How late	поздно
Life call'd for her last refuge in	Жизнь в отчаянье воззвала к своему
despair! [4. С. 19]	последнему убежищу

(Здесь и далее перевод мой. – А.С.)

А в переводе Сушкова пишет:

«Вспоминаю то, как я трепетал, видя отверстый пред собою гроб мой! уже не находил инаго убежища, кроме отчаяния!» [5. С. 14].

Переводчик вводит слово «вспоминаю», за которым следует дополнительное сложноподчиненное предложение, таким образом читателю становится понятнее суть ситуации, в которой оказывается лирический герой. Но при этом теряется эмоциональность перевода, которая достигается за счет восклицания, инверсии и за счет повтора части «how late». То есть для переводчика наиболее важным здесь является именно содержание поэмы. Чтобы сохранить повышенный эмоциональный тон этого отрывка, Сушкова вводит выражение «отверстый гроб», который подчеркивает близость смерти и делает ее образ более конкретным, по сравнению с общим словом «brink» (край). Слово «гроб» усиливает, подчеркивает кладбищенскую эстетику произведения. Сушкова вводит местоимения «собой» и «мой», что делает саму ситуацию более близкой герою, более личной. Переводчик также сохраняет восклицательные знаки, присутствующие в оригинале, чтобы сохранить эмоциональный настрой отрывка.

На протяжении всего текста перевода Сушкова чаще, чем в оригинале, использует местоимение «ты». Например: «и тщетно льстит тебе младость, что время для тебя не скоро еще претечет» [Там же. С. 107] в переводе вместо: «Youth is not rich in time; it may be poor» [4. С. 21] («Молодость не богата временем, а, возможно, бедна»). В оригинале это утверждение получает общий характер, а в

переводе – более личный, относящийся к конкретному человеку. Постоянное использование данного местоимения – это, с одной стороны, форма обращения к собеседнику поэта Лорензо, который присутствует в оригинале, а с другой стороны, это создает ощущение обращения к читателю, причем выбор именно местоимения «ты», а не «вы» делает общение автора и читателя более личным, вовлекает читателя в переживания героя, в ход его размышлений.

Этому же способствует прямое обращение, вводимое переводчиком в некоторых местах, в которых в оригинале оно отсутствует. В оригинале:

Time's use was doom'd a pleasure; waste a pain; That man might feel his error, if unseen; And, feeling, fly to labour for his cure [Там же. С. 24].	Использование времени должно быть удовольствием, а его потеря – болью, Чтобы человек мог почувствовать свою ошибку, если не видит ее, А почувствовав, поспешить работать для своего излечения.
--	---

В переводе: «О смертный, почувствуй таковое твое заблуждение, и, познав оное, обратишься к трудам!» [5. С. 112].

В переводе, с одной стороны, возникает более непосредственное общение с читателем, достигнутое за счет прямого обращения, но, с другой стороны, в нем звучит уже непосредственное руководство к действию, которое читатель должен применить к себе, из текста поэмы, таким образом, извлекаются рекомендации к должному поведению человека, образ которого, идеал, начинает формироваться в конце столетия, в том числе и при помощи обращения к этой поэме.

Для того чтобы более четко обрисовать моральный образ нового героя в этой поэме, Сушкова вставляет некоторые собственные мысли. Например, у Юнга:

Virtue alone entenders us for life – I wrong her much – entenders us for ever [4. С. 36].	Добродетель одна сохраняет нас для жизни – Я к ней несправедлив – сохраняет нас навечно
---	--

У Сушковой: «Едина добродетель влагает чувствительность, продолжающуюся до кончины нашей» [5. С. 128]. Переводчик

вводит новое понятие, отсутствующее в оригинале, – «чувствительность». Тем самым она выделяет наиболее важную для нового человека черту, он должен быть чувствительным. Причем эта черта ставится даже выше добродетели, которая называется важнейшей в оригинале, так как добродетель в переводе служит средством для обретения этого качества. То есть человек чувствительный по своему определению является также и добрым, добродетельным.

Таким образом, М.В. Сушкова, переводя поэму Юнга «Ночные мысли», определенным образом меняет ее. Выбор прозаической формы определяет иные средства выражения тона поэмы, ее модальности, расстановки акцентов. Сушкова выделяет из этого произведения его дидактическое содержание, а также разъясняет некоторые содержащиеся в нем философские идеи, излагая их более прозрачно, просто. Это необходимо для того, чтобы появился новый моральный образец, которому подражала бы эпоха. Нужно заметить, что в XVIII в. литературные идеи применялись непосредственно в жизни и воспринимались как нормы морали, которым должен следовать каждый человек. Но вместе с тем переводчица пытается сохранить и повышенный эмоциональный тон Юнга, который должен воздействовать не только на разум читателя, но и на его чувства. Важно также, что в центре описания находятся чувства самого героя, т.е. отдельного, частного, человека. Это приближает данное произведение к жанру элегии в прозе, распространенному в конце века. Но все же в целом произведение звучит скорее как эмоциональный философский трактат.

После перевода М.В. Сушковой появилось много вариантов перевода поэмы Юнга, но выполнялись они, в основном, не с английского, а с языков-посредников – французского и немецкого. Одним из самых известных немецких переводов был перевод, выполненный Арнольдом Эбертом (1760–1771 гг.), он стал основой для одной из самых значительных попыток представления этого произведения в России, автором которого был А.М. Кутузов. Первые части его перевода стали появляться уже в 1778 г. в журнале «Утренний свет», издаваемом Новиковым, первое же издание всех глав в его переводе появилось в 1785 г. под названием «Плач Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии, в девяти нощах помещенные». П.Р. Заборов в своем исследовании пишет о переводе Кутузова: «Пленившись глубокими

мыслями «истинного стихотворца сего», во многом созвучными его собственным, в «пользе, которую всякий добросердечный человек из книг его почерпнуть может», Кутузов работал над своим переводом с большим упорством... Тщательный, снабженный обширными комментариями (отчасти заимствованными у Эберта), перевод Кутузова был несомненно самым значительным в истории русского юнгианства. Об этом свидетельствуют и его переиздания (1799, 1812)» [1. С. 277]. Можно заметить, насколько высоко исследователь оценивает работу Кутузова.

Не стоит, однако, забывать о том, что А.М. Кутузов принадлежал масонскому братству и входил в ту же ложу, что и Новиков и какой-то период времени Карамзин. Следовательно, он разделял убеждения, проповедовавшиеся в масонском учении. Быть может, это была одна из причин, почему его так привлекло это произведение Юнга. Действительно, поэма, переполненная космологическими аллегориями, с таким дидактическим пафосом не могла не привлечь внимания масона, ведь в ней проповедовалось то, что жизнь земная ничто, что человек должен думать всегда о своей душе и что главное – это добродетель, которую нужно в себе воспитывать. Все это вполне соответствовало масонской философии, хотя и совпадало, в большей своей части, с этикой христианства.

По замечанию П.Р. Заборова, Кутузов очень долго переводил поэму, на практике применяя принципы масонского развития личности. Но некоторые исследователи считают, что поэма эта отрицательно повлияла на Кутузова, так как он считал, что никак не может передать красоты этого произведения, что его очень угнетало. Сама тематика поэмы повлияла на впечатлительного поэта, заставляя его думать о смерти.

Так как перевод Кутузова сделан с немецкого посредника, это повлекло за собой своеобразные изменения в тексте русского перевода. Однако даже если прочитать русский вариант, не имея текста посредника, можно получить некоторое представление о том, на что в первую очередь обращал внимание русский автор, какой эта поэма стала в варианте, рассчитанном на русских читателей. Из этого можно сделать вывод, как проходила его работа, какую тональность он пытался придать этой поэме, какое впечатление на читателей он хотел произвести, и, следовательно, каким это произведение видели в России, что в нем выделяли, а что опускали,

ведь, как уже было сказано, это был один из самых значительных переводов Юнга в России.

Нужно заметить, однако, что перевод Кутузова, несмотря на то, что он был выполнен с использованием посредника, достаточно точный, Кутузов следует за размышлениями автора, сохраняя почти все образы, использованные Юнгом. Следует также учитывать, что это прозаический перевод, что предполагает соответствующие изменения.

Свой перевод Кутузов снабдил обширными комментариями, в которых либо пояснял, о чем в том или ином отрывке идет речь, либо давал цитаты из других произведений, в основном из Евангелия, с которым видел связь текста в том или ином фрагменте.

В самом начале «Ночи первой» Кутузов вводит первый комментарий, где рассказывает о поэме в целом. У Юнга:

Tired nature's sweet restorer, balmy Sleep!	Усталой природы сладкий возобновитель, целительный Сон!
He, like the world, his dreary visit pays	Он, как люди, с готовностью посещает те места,
Where fortune smiles; the wretched he forsakes:	Где улыбается счастье; несчастных он бежит.
Swift on his downy pinion flies from woe,	Быстро на своем тихом крыле летит он от несчастий
And lights on lids unsullied with a tear.	И падает на веки, незапятнанные слезой.

В переводе Кутузова: «Утомленная природы сладостный сон возобновитель, целебный сон! ах! подобно человекам сего мира, охотно посещает он единых тех, которым благоприятствует щастие; оставляет злополучных, простирает нежные свои крылья, с поспешностью отлетает от горести и низпускается на очи, слезами никогда не орошенные».

Описывая счастливца, который может заснуть, Кутузов добавляет наречие «никогда»: «слезами никогда не орошенные», что придает новый смысл этому образу: сон приходит к человеку, который никогда не страдал вообще, а не к тому, кто не переживает именно в этот вечер.

После этих слов переводчик добавляет комментарий: «Драматическое начало сие должно учинить каждого читателя толико же

примечательным и не менее исполненным ожидания, как трогательное начало хорошей трагедии <...> Посреде мрачности и тишины ночная вдруг чувствуем мы себя предстоящих дверям чертога несчастного и сна лишенного мужа, слышим жалостные стенания огорченного друга, родителя и вдовца, потерявшего все то, что человечеству драгоценно и жизнь нашу приятно делает; угнетаем грустью своею, желает он скончать и последнее ему еще оставшееся, самую жизнь свою» [6. С. 1].

Автор перевода представляет читателю описание начала поэмы, разъясняя все обстоятельства, в которых находится герой. В своем комментарии Кутузов, по сути, приводит основные черты лирического хронотопа «кладбищенской» поэзии. В нем русский автор выделяет: мрачность, тишину, ночь, посреди которой звучит исповедь героя.

Продолжая комментарий, Кутузов пишет: «Таковое зрелище возбуждает в душах наших некоторое содрогание, подобное тому, которое сам сочинитель чувствовал в душе своей, когда мысленно приближается к смертному одру возлюбленного своего Филандра <...> Есть ли найдутся читатели, неспособные к чувствованиям сим, таковым возглашу я согласно с автором моим: удалитесь, о непросвещенные! или приближайтесь с высокопочитанием, примите благословение и благодарите щастливому случаю; <...> но естли и здесь не излечитесь, то отложите на веки упование о возвращении здоровья вашего» [Там же. С. 2]. Переводчик говорит о том, что поэма эта призвана вызвать у читателя душевный отклик, который касался бы как страха перед смертью, который он должен испытать, чтобы понять, что главное в жизни, так и переживания страданий героя вместе с ним, т.е. сочувствие. Примечательно, что при этом сочувствие воспринимается как качество, способное влиять на читателя, а именно менять его, воспитывать. Поэма Юнга в данном случае воспринимается Кутузовым как последний шанс для нечувствительных читателей исправиться, что свидетельствует, с одной стороны, о том, насколько высоко он оценивал эту поэму, а с другой – о том, что нечувствительность для него становится равнозначной недобродетельности. Хороший человек обязательно должен быть чувствительным, чувствительность воспринимается как добродетель. Эта мысль уже присутствовала в первом переводе М.В. Сушковой.

От общей характеристики он переходит к конкретным образам и выделяет сон, который является здесь ведущим. В оригинале:

I wake, emerging from a sea of dreams	Я просыпаюсь, выходя из моря снов
Tumultuous; where my wreck'd, desponding thought	Беспокойных; где моя сокрушенная унылая мысль
From wave to wave of fancied misery,	От волны к волне воображаемого отчаянья
At random drove, her helm of reason lost:	Беспорядочно плыла, с поврежденным рулем рассудка:
Though now restored, 'tis only change of pain,	Хотя сейчас восстановлена, это только смена боли,
A bitter change! severer for severe	Горькая перемена! с острой на более острую.

[4. С. 1].

В русском переводе: «Я пробуждаюсь и выхожу из волнующегося моря сновидений, в котором кораблекрушением угрожаемый и отчаяния преисполненный дух мой, биемый волнами мнимаго бедствия, носился во все стороны; ибо потерял он контроль разума своего. Днесь паки обретаю его; но се есть единая премена (горестная премена!) жестоких мучений, на гораздо жесточайшая» [6. С. 2].

В переводе Кутузов относит эпитет «tumultuous» (беспокойный) не ко сну, как в оригинале, а к морю. Благодаря этому он развивает метафору «море снов», уподобляя метания духа судну, которому грозит опасность кораблекрушения. Использование слова «кораблекрушение» дополнительно усиливает этот образ моря, но также указывает на то, что даже во сне герою грозят опасность и мучения. В русском варианте используется слово *дух* (курсив мой. – *A.C.*) вместо «thought» (мысль), вследствие чего меняется сама картина сновидческого состояния. Блуждают не мысли героя, а сама его душа уходит в другой мир.

В тексте перевода некоторые особо значимые с его точки зрения мотивы и образы Кутузов выделяет курсивом. Например, у Юнга:

Silence and Darkness! solemn sisters!	Тишина и Тьма! священные сестры!
Twins	Близнецы
From ancient nigh <...> [4. С. 2].	От древней ночи <...>

У Кутузова: «Тишина и тма, пасмурные сестры! о вы, близнецы престарелых ноци!» [6. С. 3]. Таким образом, переводчик подчеркивает важнейшие, на его взгляд, образы и мотивы, которые связаны с ночным хронотопом и являются основополагающими для всей поэмы. Определяющими характеристиками становятся тишина и тьма.

В оригинале: The bell strikes one! [4. С. 3] (Колокол ударяет один раз).

В переводе «Я слышу, час бьет!» Кутузов вводит момент восприятия героем звука колокола. После этих слов он делает комментарий: «Сие новое начало размышлений, не взирая на простоту свою, представляется здесь толико же торжественным, как и первое вступление <...> Размышляющий человек находит в них изобильные источники важнейших и полезнейших истинн» [6. С. 5].

Для Кутузова существенно, что размышления поэта торжественны, серьезны. Появляется новый образ размышляющего человека, который далее будет повторяться в других комментариях. Для русского автора важно это качество – разум, способность мыслить, анализировать, они не менее значимы для него, чем чувства.

В части, посвященной размышлениям о человеке, Кутузов вновь вставляет свой комментарий. У Юнга:

From different natures marvellously mix'd,	Из разных природ чудесно смешан,
Connexion exquisite of distant worlds!	Соединение уникальное отдаленных миров!

[4. С. 3].

У Кутузова: «Преудивительное смешение природ различных! Прекрасное *соединение* миров отдаленных» [6. С. 6]. Он вновь выделяет курсивом главные, на его взгляд, слова о человеке как о соединении разных миров: низкого и высокого, добра и зла. Далее он снабжает эти слова комментарием: «Без всякого сомнения целит он здесь на изречение, Nexus utriusque mundi (соединение, или союз обоих миров), употребленное о человеке одним отцом церковным. Г. Аддисон упоминает оное в Зрителе своем» [Там же].

Кутузов указывает на наличие аллюзии в поэме Юнга, для него важно найти источник той или иной мысли, в основном он указывает на Евангелие. Однако далее в комментарии он приводит собственные размышления по поводу основных идей поэмы: «Я думаю,

что некоторым образом от самого человека зависит избрание жилища себе, то есть вечного, в одном из двух миров оных. При вшествии нашем в мир сей, разумю то время, когда ноги наши получают довольную крепость, позволяющую пускаться в путь, нам принадлежащий, то есть, когда в состоянии уже бываем управлять разумом и разсудком нашим, обретаемся мы при ущелине одной горы, из которыя идут две дороги, в различные страны нас ведущия: одна из них ведет прямо в мир духовный, другая же в мир животных» [Там же. С. 6–7].

Русский автор вводит свои мысли словами «я думаю», т.е. прямо указывает на то, что это его размышления, которыми он хочет поделиться с читателями. Далее он использует метафору выбора двух дорог, чтобы развить мысль, высказанную героем Юнга. На его взгляд, человек не только соединение двух миров, но и создание, способное принять решение. Вновь он упоминает разум как главное качество, позволяющее человеку сделать верный выбор.

В своих рассуждениях Кутузов подчеркнуто эмоционален: «О бедные и несчастные собратия мои! Отложите хотя на один токмо час зловредную и пагубную гордость вашу, позвольте протереть очи ваши, покрытые покрывалом страстей и невежества; воззрите на те места, которыми вы шествуете: о сколь ужаснетесь вы, увидя свою опасность и бездну, на краю которыя вы стоите!» [Там же. С. 7]. Большое количество восклицательных знаков и следующие один за другим риторические вопросы в этом комментарии, как и в остальных, создают повышенный эмоциональный тон, а также придают торжественность размышлениям Кутузова.

В этом комментарии переводчик использует обращение к читателям «собратья», принятое у масонов [7. С. 421]. Можно предположить, что его перевод ориентирован прежде всего на просвещение, воспитание именно братьев-масонов. Называя их бедными и несчастными, русский автор имеет в виду не те несчастья, которые описаны у Юнга и из-за которых он хочет расстаться с жизнью, в большей мере под этим Кутузов понимает нравственные заблуждения человека. По его мнению, человек может страдать не только из-за испытаний, посланных ему судьбой, но и из-за непонимания своего жизненного пути.

Особый комментарий предпослан юнговскому пейзажу. В оригинале:

О Cynthia! Why so pale? dost thou lament Thy wretched neighbour?..... [4. С. 8].	О Цинтия! Почему ты так бледна? Плачешь ли ты о Своем несчастном соседе?
--	--

В переводе: «О Цинтия! почто ты так бледна? Не уже ли оплакиваешь несчастного твоего соседа?» [6. С. 17]. Как видно, перевод Кутузова вновь оказывается очень точным, за исключением вводной фразы «не уже ли», то есть герой как будто не верит в возможность такого сочувствия от луны. Однако после обращения «О Цинтия!» русский автор дает свой комментарий: «Исключая Священного Писания, нет кажется лучшего примера стихотворческого Энтузиасма, как сии ночи» [Там же].

Примечательно, что переводчик на первое место ставит Священное писание и расценивает его при этом как стихотворческий «Энтузиасм», т.е. для него поэтическое творчество связано с религией, с ее воспитательной функцией. Далее он продолжает: «Луна есть лучший друг стихотворца нашего; при начале третьей ночи призывает он ее, яко своего Феба: ибо между ею и печальным содержанием ночи сея находит великое сходство. Подобно как бледный блеск луны, соединенный с мрачностью и тишиною ночи, в душе глубокомыслящей удобны произвести и продолжить на долгое время важныя и унылыя мысли: то таким же образом может она почестся яко действие и знак симпатических чувствований. И сие некоторым образом может казаться очень вероятным в разсуждении беспрестанного сообщения луны с землею и взаимнаго их одной на другую влияния» [Там же].

Кутузов выделяет момент обращения героя к луне как важнейший, называет луну другом стихотворца. Для него она – способ вызвать в герое и, что не менее важно, в читателе «важныя и унылыя мысли», т.е. заставить его медитировать, что было близко сентименталистскому идеалу духовного состояния. Оригинальное сочетание эпитетов «унылый» и «важный» отражает состояние раздумий, в котором находится чувствительный сентиментальный герой, он пребывает в унынии, но это не отчаяние, а тихая печаль, при этом он думает о возвышенном, его волнуют жизнь и смерть, судьба, Бог, человек. Луна выступает, на взгляд переводчика, и как знак этого настроения, и как причина его возникновения. Таким образом, лунный пейзаж, ночной пейзаж, по мнению Кутузова,

становится символом душевного состояния героя, его настроения, связывая героя с окружающим миром. Об этом он говорит в последней фразе, подчеркивая связи луны и земли. Луна выделяется переводчиком как один из центральных образов этого произведения.

Следующий комментарий, который дает Кутузов, относится к образу Лоренцо, к которому герой постоянно обращается на протяжении всей поэмы. Он описывает его как «весельчака», который занимается «*настоящими чувственными веселениями*», и что «единое уже название, *безсмертие, небо, ад*, возбуждает в них смех и омерзение». Таким образом, он формирует антипод главного героя, которого следует перевоспитывать. Заключает он свой комментарий словами: «Но одна ли Англия славится таковыми Лоренцами? Не видим ли мы и между нами Лоренцов, которые и сих еще гораздо гнуснее». То есть Кутузов вновь обращается к соотечественникам, пытаясь приблизить это произведение к ним, к их реальности и таким образом воздействовать на них.

Подводя итог, можно сказать, что комментарии Кутузова развивают другую форму диалогических отношений с оригиналом, по сравнению с М.В. Сушковой и С.Н. Глинкой. В нем Кутузов объясняет свое отношение к поэме английского автора. Эти пояснения предстают в виде прямых обращений к читателям, в некоторых моментах они становятся размышлениями, похожими на параллельные «Ночам» Юнга «ночи» самого переводчика. Иногда Кутузов ограничивается эмоциональными восклицаниями. По содержанию в них выделяются главные, на взгляд переводчика, моменты, в которых он развивает присутствующие там мысли автора. Он выделяет дидактическое содержание поэмы и усиливает его, а в других случаях Кутузов восторгается лиричностью, эмоциональностью текста Юнга. Комментарий формирует прямой диалог с русским читателем, приближает эту поэму к русскому читателю, к русской реальности, стремясь вовлечь их в постижение духовного опыта английского автора. Можно отметить и его отсылки к масонской философии, но при этом Кутузов не пытается создать внутри текста тайный текст, и эти отсылки остаются только в комментариях. Некоторые фрагменты поэмы он иллюстрирует комментариями из Священного писания, вводит аллюзии к текстам других авторов. Наряду с философией и дидактикой переводчик обращает особое внимание на новые художественные средства,

корреспондирующие с эмоциональным настроением героя, обратившегося к «вечным» темам. Главным среди них становится ночной пейзаж с его лунным мотивом, тьмой и тишиной.

Создание прозаического комментария к тексту-оригиналу выделяет перевод Кутузова в ряду переводов поэзии XVIII в. В отличие от перевода-интерпретации перевод Кутузова не содержит тайнописных знаков в тексте, а стремится открыть читателю свой диалог с переводимым автором, не скрывая своего согласия или развития мысли оригинала. Таким образом, внутри комментария постепенно формируется образ самого переводчика как первого читателя, транслирующего свое восприятие русским читателям. Диалогическая природа рецепции иноязычного текста, сама по себе неизбежная при переводе, здесь внесена для утверждения своей позиции и формирования авторского «я» переводчика-собеседника, который не скрывает свою работу, а делает ее частью всего восприятия текста.

Литература

1. Заборов П.П. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964.
2. Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России. Л., 1990.
3. Левин Ю.Д. Об исторической эволюции принципов перевода. (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963.
4. Young Edward. Night thoughts or, the complain and the consolation. N. Y., 1975.
5. Вторая Иунгова ночь о времени, смерти и дружбе / <Перевод М.В. Сушковой> // Вечера. 1772. Ч. 1.
6. Кутузов А.М. Плач Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии, в девяти нощах помещенные. М., 1785. Ч. 1.
7. Соколовская Т.О. Массонские системы // Русское масонство. М., 2006.

FIRST RUSSIAN TRANSLATIONS OF E. YOUNG'S POETRY.

Text. Book. Publishing, 2015, 1 (8), 43–57. DOI 10.17223/23062061/8/4

Stroilova Alevtina G. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: 310061@mail.ru

Keywords: E. Young, M.V. Sushkova, A.M. Kutuzov, translation, commentary.

The article studies the first two Russian translations of Edward Young's poem "The complaint, or night thoughts" (1742–1746) made by M.V. Sushkova and A.M. Kutuzov. The author analyzes the main changes in the texts of the translations, especially the transfer of the didactic element of the poem. In 1772, M.V. Sushkova translated part of the poem, namely the second "Night", which she called "O vremeni, smerti i druzhbe" ("On Time,

Death and Friendship"). The translation was made in prose, which did not contradict the translation principles of the time. Despite the relative accuracy of the translation, Sushkova allows changes at several levels: the construction of sentences, the choice of images, emphasis. The translator extracts the didactic content from the work, clarifies some of its philosophical ideas, yet tries to keep the higher emotional tone of Young. It is important that the description centers on the feelings of the hero, an individual, particular man. This relates the poem to the genre of elegy in prose. Nevertheless, the whole work sounds more like an emotional philosophical treatise. Particular attention is paid to the translation by A.M. Kutuzov made in 1778, through an intermediary translation from German by A. Ebert, and Kutuzov's commentary to it. The commentary is a direct address to the reader, the translator's thoughts which form a direct dialogue with the Russian reader. The commentary has references to the Masonic philosophy, didactics, as well as the new artistic means the English author uses (according to the translator, the most important is the night landscape with its lunar motif, darkness and silence). A.M. Kutuzov's task is to involve Russian readers in the comprehension of E. Young's spiritual experience. The commentary also creates the image of the translator who transfers his perception of the original to readers.

References

1. Zaborov P.R. "Nochnye razmyshleniya" Yunga v rannikh russkikh perevodakh [The early Russian translations of "Night Thoughts" by Young]. In: Berkov P.N., Serman I.Z. (eds.) *Russkaya literatura XVIII veka. Epokha klassitsizma* [Russian literature of the 18th century. The Age of Classicism]. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1964. 292 p.
2. Levin Yu.D. *Vospriyatie angliyskoy literatury v Rossii* [The perception of English literature in Russia]. Leningrad: Nauka Publ., 1990. 285 p.
3. Levin Yu.D. *Ob istoricheskoy evolyutsii printsipov perevoda. (K istorii perevodcheskoy mysli v Rossii)* [On the historical evolution of the principles of translation (On the history of translation in Russian)]. In: Alekseev M.P. *Mezhdunarodnye svyazi russkoy literatury* [International Relations of Russian literature]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 472 p.
4. Young E. *Night thoughts or, the complaint and the consolation*. New York: Dover Publ., 1975. 95 p.
5. Young E. *Vtoraya Iungova noch' o vremeni, smerti i druzhbe* [The second Young's night about the time of death and friendship]. Translated by M.V. Sushkova. *Vechera*, 1772, Ch. 1.
6. Kutuzov A.M. *Plach Eduarda Yunga, ili Noshchnye razmyshleniya o zhizni, smerti i bessmertii, v devyati noshchakh pomeshchennye* [The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death, and Immortality]. Moscow, 1785, ch.1.
7. Sokolovskaya T.O. *Masonskie sistemy* [Masonic Systems]. In: *Russkoe masonstvo* [Russian Freemasonry]. Moscow: Eksmo Publ., 2006.